

Дебютные работы

VR Миросистемный подход И. Валлерстайна – одно из немногих исследовательских направлений в рамках неомарксизма, которое продолжает сохранять широкое влияние в эпоху общего упадка влияния марксизма в социальных науках. Мы впервые обращаемся к данному направлению на страницах нашего журнала.

МИРО-СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К МАРКСИСТСКОМУ АНАЛИЗУ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ

Юдин Григорий Борисович

Студент магистратуры факультета социологии ГУ–ВШЭ

Email: gregloko@yandex.ru

Введение

«На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга» [Маркс, Энгельс 1955 (1848): 428]. Это наблюдение из «Манифеста коммунистической партии» долгое время оставалось незамеченным теоретиками социальной стратификации. Многие пронцательные замечания Маркса были объявлены пророчествами для того, чтобы построить на их основе новые теории. Но этой констатации роста глобальной взаимозависимости, кажущейся сегодня тривиальной, стратификаторы-марксисты не придавали значения.

Вторая половина XX в. характеризовалась в теории социальной стратификации тем, что можно было бы назвать попытками спасения марксизма. Марксисты, безусловно, дали серьезный толчок к развитию других направлений, а вместе с тем и стратификационных исследований в целом – это относится как к теории, так и к эмпирическим исследованиям. Однако сама марксистская теория в значительной степени зашла в тупик.

Основная задача марксистов состояла в том, чтобы найти ответ на вызовы, которые бросила им реальность. Здесь они оказались в более сложном положении, нежели сторонники других течений в стратификационном анализе. Последние в основном ведут дискуссию по поводу предпосылок, на которых строится та или иная традиция, – такая дискуссия плавно перетекает в социально-философскую плоскость и практически не угрожает ядру теории. Марксистам же суждено все время пытаться доказать, каким именно образом подтверждаются предсказания Маркса. В целом ряде случаев сделать это необычайно сложно. Основными проблемами, над которыми билась и продолжает биться марксистская теория, можно признать проблему растущего среднего класса (и связанную с ней проблему неконфликтного развития социальной структуры), наличие множества измерений стратификации, плохо сводимых к одному, экономическому (собственности на средства производства), а также слабость трудовой теории стоимости [Радаев, Шкаратан 1996: 107–108].

Попытки решить эти проблемы породили настоящие концептуальные шедевры. К этой категории, без преувеличения, можно отнести, в первую очередь, к работы Э.О. Райта [Wright 1989a] и Г. Карчеди [Carchedi 1977]. Однако, несмотря на тонкость анализа «противоречивых классовых позиций» Райта и «функций совокупного работника и совокупного капиталиста» Карчеди, данные теории постигает участь большинства неомарксистских проектов по спасению парадигмы. В итоге эти проекты либо не в состоянии объяснить наблюдаемую ситуацию, либо создают противоречивые схемы, либо

же радикально отступают от теоретических предпосылок марксизма (сознательно или несознательно).

Имеет смысл, однако, помнить, что марксистская теория ценна не сама по себе, но как способ продемонстрировать некий скрытый принцип, лежащий в основе социального неравенства и незаметный с первого взгляда. Что это за принцип? Райт пишет, что «тем компонентом, который отчетливо выделяет марксистскую концептуализацию класса среди других традиций, является понятие “эксплуатации”» [Wright 2004]. Действительно, представление об эксплуатации представляет собой совершенно особое понимание отношений социального неравенства. Неравенство – не просто некоторое наблюдаемое состояние вещей, результат стечения обстоятельств, но специфическое социальное отношение.

Большая часть трудностей марксистской теории стратификации обусловлена именно неспособностью зафиксировать реальное неравенство, которое можно было бы назвать эксплуатацией. Это возвращает нас к вопросам глобализации, на которую Маркс обращал внимание уже в середине XIX в. Если те отношения, которые представляли собой основную почву для развития эксплуатации, расширяются до масштабов целого мира, то сама собой возникает идея сменить объект марксистского анализа. Возможно, трудности, одолевающие неомарксистов, вызваны не ошибочностью теории Маркса и не неспособностью правильно применить ее к современным западным обществам, но неправильным выбором объекта исследования?

Попытка выработать марксистский взгляд на отношения, пронизывающие всю планету, содержится в миро-системной теории И. Валлерстайна. Теория предлагает новую концепцию капитализма как преходящей, хотя и уникальной по своим размерам исторической системы. Анализ классовых отношений представляет собой только часть (причем далеко не самую разработанную) этой теории. Впрочем, как замечает Райт, «по своей сути марксизм не является теорией классовой структуры» [Райт 2000: 75]; иными словами, специфический «марксистский» подход к социальной стратификации – лишь побочный продукт теории и идеологии марксизма. Поэтому вычленение в различных марксистских теориях элементов, представляющих интерес для собственно стратификационного анализа, требует особого труда. В данной работе планируется решить именно эту задачу в отношении миро-системной теории.

Мы рассмотрим работы, которые можно считать связующим звеном между идеями Маркса и миро-системной теорией, выделим некоторые компоненты этой теории, формирующие новый взгляд на социальную стратификацию, рассмотрим преимущества, которые дает такой взгляд, и укажем на некоторые проблемы, связанные с его принятием.

Теории империализма

Чтобы проследить истоки миро-системной теории, следует обратиться к работам по теории империализма. Несмотря на то что работы эти решали иные, нежели миро-системный подход, задачи, объединяющим звеном является развитие тезиса о транснациональном, глобальном развитии классового противостояния. По этой причине теории империализма могут представлять интерес для стратификационной теории.

Основополагающие труды по теории империализма были написаны в короткий период 1910–1915 гг. В данный период марксистская теория развивалась достаточно активно; конец этому развитию положили война, революция в России и последующий окончательный переход теоретиков марксизма в область практической борьбы. Тогда же ряд работ по теории империализма был подготовлен в Германии, Франции, Англии, России; главную роль в формировании теорий империализма сыграли работы австромарксистов.

Первой работой в этом ряду можно считать труд Р. Гильфердинга «Финансовый капитал», написанный в 1910 г. [Гильфердинг 1959 (1912)]. Гильфердинг дал экономическое обоснование расширения капитализма, выделяя в основном экстенсивные и институциональные факторы, обуславливающие экспорт капитала. Он же ввел в оборот причинно-следственную цепочку, вокруг которой строились дальнейшие дискуссии: развитие капитализма порождает стремление капиталистов к монополии, монополии повышают значимость финансового капитала в сравнении с торговым и промышленным, экспорт финансового капитала становится основным средством экспансии капитализма на новые территории. Таким образом, вскрывается суть процесса вовлечения все новых стран в капиталистический способ производства. Объяснение через технический прогресс в области средств сообщения оказывается несостоятельным, поскольку ранее наиболее развитые капиталистические страны также активно использовали новые рынки, но в качестве источника новых товаров для внутренних рынков. И только внутренняя логика капитализма изменяет внешнеэкономические ориентации капиталистов, заставляя их видеть в других странах (речь, конечно, главным образом, о колониях) иные рынки: труда, капитала, сырья.

Итак, причины распространения капитализма имеют двойкий характер. С одной стороны, это стремление осваивать новые территории, вырваться из-под пресса конкуренции, заняв новые земли. Это приводит к тому, что вновь оккупированные пространства рассматриваются в основном как источник сырья: «в настоящее время новый капитал обращается главным образом к тем отраслям, которые доставляют сырой материал для промышленности» [Гильфердинг 1959: 429]. С другой стороны, новые территории означают и новые институциональные условия: Гильфердинг обращает внимание на высокую ставку процента в странах неразвитого капитализма и низкую стоимость рабочей силы («ее относительно низкое качество уравнивается чрезмерной продолжительностью рабочего времени» [Гильфердинг 1959: 429]). Наконец, институциональным мотором для такой экспансии является, естественно, протекционистская политика страны-колонизатора.

Рассуждения Гильфердинга (особенно в той их части, которые касаются развития нового рынка труда) позволяют сделать предварительный, но весьма интересный вывод: по сути, в описываемый период происходит институционализация новых отношений социальной стратификации. Границы между колонией и колонизатором частично стираются, и возникают первые черты единой стратификационной системы. Важно подчеркнуть, что это происходит именно на рубеже XIX–XX вв., поскольку, как подчеркивает Гильфердинг (и другие теоретики империализма), протекционистская политика явилась новшеством для стран развитого капитализма. отождествление протекционизма и колониализма является неверным: длительное время протекционистская политика (которая прямо предполагает ориентацию на картели и обслуживание их интересов) была невозможной, поскольку в корне противоречила устремлениям капиталистических стран. Для Англии, например, еще в начале XIX в. это было бы невозможным, поскольку шло вразрез с духом либерального капитализма с его концепцией совершенной конкуренции. Таким образом, только серьезные изменения в рамках самого капиталистического хозяйства стали причиной возникновения новых отношений между странами развитого и неразвитого капиталистического хозяйства. Этот процесс можно назвать «экспортом эксплуатации».

Впоследствии под обобщающим понятием «империализма» стали подразумевать все то, что содержалось в схеме Гильфердинга, начиная с тенденции к монополизации и заканчивая протекционистской политикой. Р. Люксембург, впрочем, особое внимание уделила процессу капиталистической экспансии. Важное место в ее рассуждениях занимает рынок капитала: внешний заем рассматривается как источник развития для молодых капиталистических государств, но в то же время – как инструмент контроля над этими государствами со стороны стран развитого капитализма. Таким образом, займы – лучшее средство «для того, чтобы расширять поле деятельности накопления капитала и в то же время суживать его» [Люксембург 1934: 309].

Согласно этой схеме, капиталистические страны ведут наступление по двум направлениям, позволяя странам с традиционной экономикой расплачиваться за ввозимые туда товары ввозимыми же деньгами. Таким образом разрушается крестьянское хозяйство, а государство ставится в зависимость от иностранного капитала, сфера интересов которого в рассматриваемой стране неуклонно растет. С точки зрения социальной стратификации, капиталистические страны в короткие сроки создают новый пролетариат, руками государства обращая в него крестьян. Именно таким образом Люксембург рассматривает деятельность европейских предпринимателей (нередко авантюристов), характеризовавшуюся масштабным включением населения, занятого в аграрном секторе, в отношения найма.

Следует упомянуть, что Люксембург предлагает собственный взгляд на причины, побуждающие капиталистов к освоению новых территорий. Этот вопрос она ставит в контексте рассмотрения проблемы воспроизводства, которая сводится к вопросу о том, почему процесс производства в капиталистической экономике не прекращается. В отличие от других общественных формаций, капиталистическая основывает воспроизводство на реакции рынка: дилемма «продолжать ли производство данного товара» решается в зависимости от поведения спроса. Такой механизм был нехарактерен для более ранних формаций, и он обуславливает невозможность накопления без расширения рынков сбыта. Именно поэтому в капиталистическую экономику вовлекаются все новые общества.

Окончательный вывод Люксембург состоит в том, что, в конечном счете, все человечество может превратиться в два класса капиталистов и пролетариев. В этот момент дальнейшее накопление станет невозможным. Но еще до того, как это случится, произойдет восстание мирового пролетариата [Люксембург 1934: 387]. Последняя идея, впрочем, никак не обосновывается, но гораздо большую ценность представляет формирование нового структурного подхода к отношениям эксплуатации в глобальном контексте.

О. Бауэр не разделяет убежденности Люксембург в невозможности капитализма выжить в изолированном обществе. Происходящее с необходимостью расширение производственного аппарата гарантирует капитализму развитие, а проблема рынков сбыта возникает только в случае «кризисов перенакопления» [Бауэр 1934: 359]. Однако в ходе этого развития капитализм неизбежно сталкивается с рядом кризисов. В частности, Бауэр уделяет большое внимание демографической проблеме, апеллируя тем самым к экстенсивному фактору экспансии капитализма. Империализм становится для капитализма удобным способом выхода из таких кризисов за счет привлечения новых элементов материального производства и новой рабочей силы.

Последний аспект представляет особенный интерес, поскольку вносит нечто новое в стандартную марксистскую схему эксплуатации. Если экспансия действительно представляет собой способ разрешения внутренних кризисов (в том числе и кризиса социальной структуры), то можно сделать вывод о том, что структура капиталистического общества может достигнуть (или периодически достигать, если это циклический процесс) такого состояния равновесия, когда ресурс внутренней мобильности будет исчерпан. В полном противоречии со схемой Маркса это приводит не к революции, а к расширению социальной системы за счет пролетаризации населения неразвитых в капиталистическом отношении стран. Иными словами, возникает ситуация, в которой капиталисты не стремятся к пролетаризации населения внутри страны, а низшие классы не осуществляют революционных действий. В определенном смысле можно сказать, что сложившаяся ситуация всех устраивает: возникает межклассовый консенсус.

М. Адлер более подробно раскрывает природу этого консенсуса. С его точки зрения, он вызван тем, что низшие классы в наибольшей степени страдают от снижения мощи страны. Именно на низшие классы приходится основной удар, когда снижается объем внешней торговли страны, когда она теряет целые рынки. Поэтому победа «своих» капиталистов в борьбе с «чужими» рассматривается пролетариатом как свой собственный интерес [Adler

1978: 131]. Часто пролетариат не в состоянии разглядеть за этим сиюминутным интересом неизбежность дальнейшей эксплуатации со стороны буржуазии и все тяготы, которые обрушатся на его плечи в ходе этой битвы капиталистов.

Рассуждения австромарксистов продолжил в своей работе «Империализм как высшая стадия капитализма» В. Ленин. Несколько упрощая линию рассуждений Гильфердинга, для которого развитие капитализма представляло весьма противоречивый процесс, Ленин делает акцент на мировом господстве стран с большим весом финансового капитала. «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами» [Ленин 1977: 387].

При этом существует два основных вида империализма: колониальный и ростовщический [Ленин 1977: 361–362]. Таким образом, не только колониальные державы осуществляют империалистическую политику (колониальные владения Германии никогда не были велики), но и все страны, оперирующие большим финансовым капиталом. Эта схема дает возможность свести воедино все международные экономические процессы и объявить весь мир аренной господства капиталистов¹.

Ленин, впрочем, идет дальше многих других авторов в рассуждениях об империализме. Полемизируя с К. Каутским, он лишний раз подчеркивает, что империализм осуществляется с помощью финансового капитала, а не промышленного [Ленин 1977: 389]. Отсюда следует вывод о том, что империализм не может ограничиться подчинением промышленно неразвитых областей: ключевым для международных отношений становится финансовое превосходство. Этим рассуждением Ленин не только несколько противоречит самому себе (поскольку в остальном делает особый акцент на колониальной политике западных стран), но и оказывается несколько проницательнее самого себя. Отношения международной зависимости на протяжении всего дальнейшего времени были куда более сложными, нежели следовало из сопоставления степени промышленного развития различных государств.

Ряд существенных претензий теориям империализма предъявил Й. Шумпетер. Особый интерес представляют два возражения. Во-первых, Шумпетер указывает на то, что рассматривать империализм в контексте классовой борьбы невозможно: по сути, это явление «представляет собой самый поразительный пример классового сотрудничества» [Шумпетер 1995: 98]. Возражение справедливо и, как было показано, прямо вытекает из рассуждений Бауэра. Однако поле для применения классовой теории здесь все-таки имеется, если трактовать пролетаризацию населения колонии в широком контексте, учитывая возрастающую взаимозависимость между странами. Второе важное замечание относится к империалистическому объяснению протекционизма. Шумпетер настаивает на том, что экономический мотив в протекционистской политике, хотя и существовал (это очевидно), но не был решающим [Шумпетер 1995: 96–99]. Здесь фактически речь идет о критике экономического детерминизма. Это возражение представляется вполне обоснованным (спустя тридцать лет после периода расцвета теорий империализма Шумпетер мог видеть, что неэкономические мотивы становятся все более значимыми в международной политике), и тем самым существенно снижает ценность теорий империализма для сегодняшнего дня. С начала XIX в. мировая политика сильно усложнилась, и вопрос о колониях снят с повестки дня. Даже теории неокOLONИализма уже во многом потеряли силу. Как правило, нельзя наблюдать полную зависимость одной страны от другой: отношения зависимости стали

¹ Таким образом, между прочим, сама собой решается проблема «азиатского способа производства», которая, казалось, встала непреодолимым препятствием на пути теории Маркса.

более многоаспектными. Это означает, что новый анализ, который использовал бы основные аргументы теорий империализма, требует гораздо более тонкого понимания ситуации.

Оценивая значимость теорий империализма, следует помнить о том, что они во многом были нацелены на политический анализ событий своего времени. Так или иначе, но марксистам удалось предсказать Первую мировую войну, которую они считали неизбежным этапом в развитии империализма [Adler 1978: 130]. Этот анализ был осуществлен в чрезвычайно важный момент, когда экспансия капитализма приняла особенно активную форму и во многом предопределила мировой порядок на длительное время.

Теории империализма достигли также достаточно важных результатов в изучении социальной стратификации, хотя это и не являлось их основной целью. На примере описанных работ ясно видно, как на уровне теории происходило трудное расставание с концепциями социального неравенства в отдельно взятых обществах и осуществлялись попытки концептуализации проблемы эксплуатации в глобальном масштабе. Если в контексте идеологической борьбы продолжал звучать тезис о неизбежности объединения пролетариата всех стран для свержения капитализма, то на теоретическом уровне уже явственно ощущалось, что пролетариат капиталистических стран не вписывается в новые схемы и стремительно утрачивает свой революционный потенциал.

Проблема государства в марксистской теории

Одной из наиболее сложных и запутанных проблем в марксистской теории является проблема государства. Корни ее непосредственно связаны с вопросами империализма. Позиция ортодоксального марксизма была представлена Ф. Энгельсом, объявившим, что со сменой общественной формации государство должно «отмереть» [Энгельс 1961: 225]. Достаточно скоро, впрочем, выяснилось, что механизм отмирания государства не ясен и существенно осложняется невозможностью социализма «в отдельно взятой стране».

Эти трудности идеологического характера распространились и на научный марксизм, в том числе и на стратификационную теорию. Из-за отсутствия целостного понимания роли государства в рамках капитализма марксисты были не в состоянии вписать в свои схемы стремительно растущий слой госслужащих. Его расширение происходило параллельно, а во многом и за счет расширения сервис-класса (в который они включались благодаря непроизводительному характеру труда). Это требовало коренного пересмотра марксистской концепции поляризации социальной структуры [Renner 1978: 252].

Райт выделяет две основных точки зрения на роль государства в рамках марксистской теории. Согласно одной из них, государство – лишь механизм, который рабочий класс должен взять под контроль. Согласно другой, государство в своем нынешнем виде – специфически капиталистическое образование, а потому должно быть уничтожено и заменено качественно иным механизмом. Первую позицию разделяет, в частности, Ч.Р. Миллс, вторую – Ленин и французские марксистские структуралисты [Wright 1993: 195]. При этом, однако, радикалы не предлагают внятного пути уничтожения государства. Это порождает сомнения относительно того, какое влияние государство оказывает на стратификацию капиталистического общества.

Размышляя над этой проблемой, Райт пишет, что для марксистов есть, по сути, два выхода [Wright 1989b: 342]. Первый – заявить, что госслужащие вообще не включены в классовую структуру капиталистического общества, поскольку не имеют отношения к процессу эксплуатации. Этот вариант по понятным причинам выглядит неприемлемым. Райт, впрочем, готов применить его к государственному аппарату. В таком случае все же остается значительный слой бюджетных рабочих, занятых в сфере услуг, а также и в сфере производительного труда. В их отношении Райт предлагает второй выход – понятие

«государственного способа производства» как разновидность капиталистического способа производства.

Такое решение представляется неудовлетворительным, поскольку не дает представления о роли государственного способа производства в рамках капитализма, о механизмах эволюции и возможных вариантах преодоления этого этапа. Ярче всего этот недостаток проявляется в том, что Райту не удается связать отношения государственной эксплуатации с параллельно существующей капиталистической эксплуатацией. Наблюдая некоторые внешние проявления зависимости государственного сектора от частного [Wright 1989b: 344], Райт оказывается не в состоянии предложить общую схему, объясняющую эту зависимость.

Райт также упоминает о третьем решении проблемы государства, сводящемся к отождествлению отношений найма в государственном секторе с аналогичными отношениями в частном секторе. В этом случае государство понимается как большая компания с некоторыми дополнительными рычагами влияния на рынок, на котором оно конкурирует. Очевидно, что эта позиция несостоятельна с экономической точки зрения; однако куда важнее то, что она скрывает социальные последствия того, что государство на самом деле играет совершенно особую роль в капиталистической системе. Таким образом, проблема государства оказывается принципиальной для выработки марксистского взгляда на систему социальной стратификации.

Следует заметить, что недоработка концепции государства заметна и в теориях империализма. Интересы капиталистического государства отождествляются с интересами крупных капиталистов, являющихся резидентами. Но применительно к внешней политике возникает вопрос о том, в чьих именно интересах она осуществляется. Война капиталистов и война капиталистических государств – это отнюдь не одно и то же, чего не отрицал, в частности, Ленин (в приведенном выше определении). Однако каким именно образом соотносятся эти противостояния, остается неясным.

Выход из этого тупика предлагает И. Валлерстайн, который опирается на Ф. Броделя [Wallerstein 2001: 211]. С его точки зрения, государство выполняет одновременно две противоположные функции. С одной стороны, оно осуществляет дерегулирование рынка в соответствии с либеральной концепцией «ночного сторожа». С другой стороны, оно является гарантом стабильности рынка, в его интересах не допускать ценовых войн и прочих явлений, которые могут вывести рынок из-под контроля. Государство снижает риски, сопутствующие вовлеченности в глобальную экономику, и удерживает за компаниями привилегии как на внутреннем, так и на внешнем рынке [Rubinson 1976: 642]. Результатом такой двойственной политики является создание максимально благоприятной для крупного бизнеса среды. Ограничения, налагаемые на него, не слишком чувствительны, в то время как угроза появления новых конкурентов, способных кардинально изменить ситуацию на рынке, сводится к минимуму. Фактически рынок и капитализм представляют собой две непересекающиеся сферы: если рынок – это зона совершенной конкуренции и небольших предпринимательских проектов, то капитализм – зона монополии и монополии. Причем к настоящему моменту капитализм значительно превалирует над рынком, и решающую роль в этом играет именно государство [Валлерстайн 2004: 88–91].

Для реализации этих функций у государства есть ряд инструментов [Wallerstein 1993b: 291]. В их число входят перераспределение дохода, ограничение доступа к рынку, защита самой власти от угрозы свержения. Важнейшим средством для достижения намеченных целей является внешняя политика. Она может осуществляться как в правовом (таможенные пошлины), так и в неправовом поле (вмешательство во внутренние дела других государств). Здесь ключевым механизмом является военная сила.

Аргументы, развивающие этот подход, можно найти в теории государства К. Оффе и Ф. Ронге [Offe, Ronge 1992: 253]. С их точки зрения, деятельность государства обуславливается заинтересованностью в коммодификации благ, т.е. в поддержании

существующих рынков и создании новых. Фактически для государства это единственный способ создать благоприятные для накопления условия. Поэтому государственная политика направлена на воспроизводство рабочей силы для рынка труда; на поддержание и расширение товарных рынков, а также рынков капитала; наконец, на адресную поддержку прибыльных секторов экономики и модернизацию отстающих.

С одной стороны, эта политика «административной рекоммодификации» дает возможность объяснить соотношения между государственным и частным сектором: первый обеспечивает рабочую силу для второго через системы образования, здравоохранения, общественного транспорта. С другой стороны, воспроизводится аргумент миро-системной теории, апеллирующий к государству как гаранту и координатору интересов отечественного капитала на международной арене.

Таким образом, государство следует понимать как способ давления на внутренний и внешний рынки, как средство введения удобных правил игры, как аппарат поддержки и воспроизводства самих рынков. В таком случае, государство обслуживает интересы крупного капитала. Было бы неправильным сказать, что оно находится в подчинении у крупного капитала и действует по его велению, – это значило бы повторить ошибку, которую делали теоретики империализма. Государство играет особенную и очень важную роль в современном капитализме и реализует свои собственные интересы. Поэтому манипуляция государством происходит не вследствие «захвата государства», но потому, что оно заинтересовано в том, чтобы им манипулировали. Кто в данный конкретный момент возьмет верх в этой борьбе за государственные привилегии – вопрос, который для государства, в общем, безразличен, а потому к дискуссии о роли государства в экономике отношения не имеет.

Данная концепция проливает свет на то влияние, которое государство оказывает на отношения стратификации. В зависимости от силы государства оно может стимулировать возникновение различных моделей стратификации общества. Далее будет подробно рассмотрена связь между геополитическими характеристиками государства и системами неравенства.

Система стратификации в странах ядра

Какие объяснительные схемы позволяет создать в рамках теории социальной стратификации миро-системный подход? Ответ на этот вопрос целесообразно разделить на два блока, руководствуясь антитезой «ядро – периферия», используемой в миро-системном анализе.

Антитеза «ядро – периферия» является отношением иерархии между странами в рамках капиталистической миро-системы. С точки зрения Валлерстайна, уникальность капиталистической миро-системы состоит в двух особенностях. Во-первых, она является единственной из всех существовавших в истории миро-систем мир-экономикой, в то время как все предшествующие миро-системы представляли собой мир-империи. Господство в мир-империях осуществляется только одной политической структурой (империей), хотя может со временем переходить от одной структуры к другой. Мир-экономика представляет собой систему, где господствуют несколько политических структур, причем баланс власти между странами также изменчив, хотя эти изменения происходят крайне медленно [Wallerstein 2001: 231–232].

Во-вторых, капиталистическая мир-экономика стала первой системой, которая включила в себя все страны земного шара. «Новая система, – пишет Валлерстайн, – объединила Европу и распространилась отсюда по всему миру, уничтожив при этом все альтернативные способы социальной организации и установив наконец, впервые в истории человечества, единое разделение труда на всем земном шаре» [Wallerstein 2001: 162].

Таким образом, в отношении «ядро – периферия» в капиталистической миро-системе оказались включены все без исключения государства. Положение страны в международной иерархии определяется исходя из экономического и политического критериев (существует целый ряд подходов к ранжированию стран). Место страны определяет широту и направление ее внешних связей и, наоборот, детерминируется местом в этой сети [Chase-Dunn, Grimes 1995: 397]. Отраслевой подход к вопросам положения страны в мир-экономике позволяет воссоздавать так называемые «товарные цепи» и учитывать стратегии конкретных государств, а также влияние сложившихся сетей контрактов. Это позволяет включать в анализ дополнительные факторы, объясняющие положение той или иной страны в миро-системе [Джереффи 2004: 50].

Антитеза «ядро – периферия», как правило, смягчается включением в эту схему полупериферийных позиций [Wallerstein 1993b: 97]. О странах, занимающих промежуточную (переходную) позицию между господствующими и подчиненными, писал уже Ленин [Ленин 1977: 362]. Такие страны контролируются группой более влиятельных стран, но при этом контролируют и имеют возможность навязать свои экономические интересы менее влиятельным. Соответственно, такие страны сочетают в себе черты как высшей, так и низшей категории стран.

В основании отношений господства одной страны над другой лежит различие в силе государства. Поскольку все государства имеют сходные интересы, включающие защиту собственных рынков и оккупацию внешних рынков, то в случае, когда экономическая и политическая сила государств неравна, более сильное государство оказывается в состоянии обеспечить интересы своих капиталистов на территории более слабого. Это оказывает определяющее воздействие на экономику обеих стран. В соответствии с этим формируются социальная структура и отношения социального неравенства.

Сначала мы рассмотрим влияние отношений мирового господства на стратификацию в странах ядра, затем – в странах периферии.

Как уже говорилось, в рамках внутренней политики государство (поскольку оно имеет достаточно сил для этого) осуществляет ряд мер, способствующих стабилизации олигополистических рынков. В число этих мер входит, с одной стороны, регулирование рынков, с другой – обслуживание капиталистического производства с помощью институтов, относящихся к государственному сектору. Таким образом формируются основные структурные характеристики социальной иерархии современного развитого капиталистического общества. Этими характеристиками являются широкий средний класс и высокая доля занятых в государственном секторе. Именно эти особенности были не в силах объяснить многие марксисты, следствием чего стали многочисленные попытки реинтерпретации этих явлений.

Между тем А. Горц «распрощался» с рабочим классом уже в 1980 г. [Gorz 1982 (1980)], а Ч.Р. Миллс обращал внимание на неуклонный рост среднего класса еще на тридцать лет раньше [Mills 1956 (1951)]. В этих работах признается фундаментальное изменение структуры западного общества, которое больше невозможно вписать в жесткие рамки противостояния «буржуазия – пролетариат». Миллс отмечает, что, наряду с численным увеличением рабочего класса происходит «подтягивание» условий жизни рабочего класса до норм среднего класса. Это дает ему основание критиковать все теоретические определения места среднего класса в системе стратификации за необоснованные предпосылки: «вера в то, что в будущей борьбе между большим бизнесом и рабочим классом решающую роль сыграют “белые воротнички”, основывается на убеждении в том, что в будущем состоится открытый бой между бизнесом и рабочей силой» [Mills 1956: 293].

Сближение классовых позиций рабочего и среднего классов на более или менее удовлетворительном для тех и других уровне материального положения безнадежно снижает революционный потенциал пролетариата. Дальнейший ход событий подтвердил

корректность замечаний Миллса: средние классы стали основным слоем развитого капиталистического общества. С. Лэш и Дж. Урри пишут о расширении контингента «белых воротничков» и сервис-класса как об одной из ключевых характеристик нового, дезорганизованного капитализма эпохи постмодерна. Увеличение веса средних слоев и их многообразия распыляют классы и знаменуют собой конец классовый борьбы в странах ядра [Lash, Urry 1993: 194–195].

Горц пишет о том, что этот новый класс представляет собой «не-класс не-пролетариев», поскольку не имеет никакого собственного классового интереса, а единственное его внятное стремление состоит в освобождении от принудительного труда с тем, чтобы получить время для труда автономного, самостоятельного [Gorz 1982: 75]. Горц фактически развивает рассуждения Г. Бравермана, который обратил внимание на роль принудительного труда в системе капиталистической эксплуатации и тем самым включил значительную часть средних классов в разряд эксплуатируемых. Браверман также отметил, что наемные работники фактически привыкли к такому положению дел, к необходимости принудительного труда, в которой их убеждают поколение за поколением [Braverman 1974: 150–151]. Браверман, впрочем, верит в то, что в конечном счете недовольство наемных работников прорвется наружу, однако объективно явления, которые он наблюдает, означают разложение класса как носителя классового интереса.

Итак, в общем виде иерархия современного западного общества формируется небольшим высшим классом, который правомерно называть капиталистическим постольку, поскольку значительная его часть контролирует средства производства; относительно небольшим пролетариатом, который практически перетекает в основное структурное образование – средний класс, или, точнее, разнообразные средние классы. Несмотря на содержащийся в трудовом процессе эксплуатационный элемент, революционный потенциал в таком обществе весьма невысок благодаря относительному благосостоянию подавляющего большинства категорий населения.

Миро-системная теория уделяет социальной структуре обществ ядра немного внимания. Это объясняется тем, что область основных напряжений и конфликтов находится на периферии. Тем не менее, общая концептуальная схема миро-системного анализа дает вполне адекватное объяснение сложившейся в господствующих странах классовый ситуации. Р. Рубинсон анализирует проблему социального неравенства в странах ядра и периферии [Rubinson 1976]. Исследование влияния относительного положения государства на международной арене на уровень социального расслоения демонстрирует, что страны с высоким весом в капиталистической миро-системе (страны ядра) склонны к воспроизводству социальной структуры, характеризующейся низкой поляризацией. Эти выводы подтверждаются и другими работами [Nolan 1983; Beer 1999].

Таким образом, инвестирование в иностранную экономику оказывается залогом выравнивания социальной иерархии в стране. Причиной этого является гарантия стабильности экономики внутри страны и возможность находить выходы из экономических кризисов за счет привлечения новых ресурсов в странах периферии. Экономическая структура стран ядра отличается высокой степенью дифференциации. В итоге ресурсы распределены по многим секторам экономики, что гарантирует относительно равный доступ к ним большей части населения (здесь речь не идет о небольшом слое капиталистов). Кроме того, сильное государство оказывает и прямое влияние на стратификацию, порождая большой сектор обеспеченных госслужащих. Наконец, стабильная ситуация, поддерживаемая на протяжении длительного периода, позволила выработать отлаженные механизмы балансирования ситуации – в частности, за счет профсоюзов [Rubinson 1976: 644]. В конечном счете, сложившийся классовый консенсус не подвергается серьезным испытаниям, которые могли бы закончиться поляризацией классовый структуры.

Позиция Валлерстайна по этому вопросу достаточно сложна. Рассуждая о соотношении «буржуазия – пролетариат» в современной миро-системе, он останавливается на том, что единственный способ концептуализировать это соотношение сейчас – это присвоение прибавочной стоимости. Иными словами, всякий, производящий больше прибавочной стоимости, нежели он потребляет, считается пролетарием, в обратном случае – буржуа. Критерий собственности на средства производства в настоящее время неприменим. Таким образом, строго экономическая основа классового противостояния отменяется и заменяется смешанной экономико-политической [Валлерстайн 2003: 175].

Далее, Валлерстайн утверждает, что поляризация классов реально происходит, но происходит не благодаря, а вопреки структурным особенностям капитализма, хотя и движима его внутренней логикой. Чем дальше, тем большее число людей вовлекается в процесс присвоения прибавочной стоимости из товаров, произведенных пролетариатом, – таким образом происходит процесс обуржуазивания [bourgeoisification]. Однако собственный интерес буржуа состоит вовсе не в том, чтобы прямым или косвенным образом извлекать прибыль из рыночных операций, но в том, чтобы извлекать ее из ренты [Wallerstein 2001: 165]. Рента функционирует как широко понимаемая монополия: речь может идти как о земельной ренте, так и о, скажем, выгоде от этнического превосходства (подробнее речь об этом пойдет ниже). Идеал буржуа – извлекать прибыль, используя монополистическую конъюнктуру; если же ее не существует, то задача состоит в том, чтобы ее создать. Однако, поскольку построенное таким образом хозяйствование ведет к развитию рынков, а возможности монополизации достаточно узки, буржуа испытывает давление с противоположной стороны: чтобы извлекать прибавочную стоимость, нужно работать на рынке. Таким образом, сам образ буржуа преобразуется: из монополиста он становится активным деятелем на рынке – например, вливаясь в состав сервис-класса. Как пишет Валлерстайн, эти буржуа – «не буржуа или в гораздо меньшей степени буржуа» [Валлерстайн 2003: 172]. Они вынуждены придумывать все новые способы занять изначально более выгодную позицию на рынке: наследственные земли и дворянское происхождение сменяет воспроизводство с помощью системы образования. Тем не менее, общая тенденция такова, что новый буржуа все сильнее испытывает необходимость добиваться материального благополучия и социального статуса, нежели просто использовать выгодные условия.

Хотя формально трактовка средних классов, предлагаемая Валлерстайном, расходится с той, к которой склоняются последователи Бравермана и Горца, реальные различия не столь велики. Валлерстайн относит большую часть новых средних классов к буржуазии, а Браверман акцентирует внимание на компонентах, сближающих их с пролетариатом, но основные выводы сходны. В обоих случаях речь идет о «новом буржуа» (Валлерстайн) или «не-пролетариате» (Горц). То, какая сторона дела имеет большее значение, зависит от угла зрения. Если рассматривать средние классы с точки зрения миро-системной перспективы, они могут считаться эксплуататорским классом (со слабым классовым интересом или вовсе без него), если же ограничиться структурой западных обществ, то те же категории окажутся эксплуатируемыми (и вновь без надежды на классовую мобилизацию). Эти выводы не противоречат друг другу.

Система стратификации в странах периферии

В том, что касается проблематики стран периферии, миро-системный анализ близок теориям зависимости. Эти теории постулируют, что проблемы развивающихся стран связаны с их структурным положением в мир-экономике: положение развивающейся страны служит залогом процветания развитых стран, поскольку всякая экономическая система предполагает неравенство (развитые страны могут существовать только за счет того, что существуют развивающиеся). Три основных аргумента теорий зависимости таковы: эксплуатация стран

периферии странами ядра за счет извлечения прибавочной стоимости; разрушение структуры экономики развивающихся стран в ходе этой эксплуатации, препятствование дифференциации; подавление политики, направленной на развитие стран ядра без опоры на внешние средства [Chase-Dunn 1975: 722–723].

Однако миро-системный анализ отличается тем, что предоставляет более разработанную схему эксплуатации, в которую вписываются отношения зависимости, а также и объясняет эти отношения в терминах тех тенденций, которые присущи капиталистической мир-экономике. Сначала следует изложить данные эмпирических наблюдений неравенства в странах периферии, а затем – обратиться к новому видению теории эксплуатации.

К. Чейз-Данн показывает, что экономический рост страны отрицательно связан с привлечением средств из-за рубежа – в виде государственного долга или инвестиций [Chase-Dunn 1975]. В свою очередь, экономический рост, который все же можно наблюдать в странах периферии, выливается в увеличение социального неравенства [Rubinson 1976]. Таким образом, положение на периферии миро-системы определяет такое функционирование экономики, которое способствует формированию поляризованной социальной иерархии.

Каков механизм, скрывающийся за этими зависимостями? В его объяснении вновь используется функционирование государства в современной мир-экономике. Поскольку периферийные страны, в основном, являются странами со слабым государством, государство оказывается не в состоянии защитить внутренний рынок и координировать развитие капитализма внутри страны. Вследствие этого широкий доступ в эту страну получают иностранные инвестиции. В этих условиях в выигрыше оказывается небольшая элита, которая стягивает на себя эти инвестиции или управляет распределением внешних заимствований. Инвестиции и заимствования лежат в основе всего разнообразия способов доминирования развитой капиталистической страны над развивающейся. Конкретные условия инвестирования определяются тем, интересы каких слоев государство способно отстоять в условиях вторжения капитала. Внешние заимствования тоже могут иметь различные последствия. Одним из наиболее критикуемых источников заимствования стал в последнее время Международный валютный фонд. МВФ ввергает развивающиеся страны в долговую зависимость и при этом навязывает им внутреннюю политику, которая, в частности, создает дополнительные проблемы с занятостью, а значит, и воздействует на социальную стратификацию [Cavanagh, Welch, Retallack 2000].

Элита становится институтом, с помощью которого осуществляются интересы доминирующей страны. Она часто управляет сырьевой отраслью, на долю которой приходится основной торговый оборот стран периферии. Это обеспечивает элите высокий уровень дохода, следствием чего становится развитие небольшого третьего сектора, являющегося средоточием хорошо оплачиваемых рабочих мест. Остальные сектора экономики остаются депрессивными, поскольку прибыли, получаемые как элитой, так и непосредственно иностранными инвесторами, в значительной мере не реинвестируются, а вывозятся за рубеж. Характерным для застойных секторов явлением становится скрытая безработица, которая препятствует консолидации рабочей силы и устраняет возможность реализации альтернативной государственной политики [Rubinson 1976: 643].

Сила государства имеет решающее влияние на характер социальной стратификации. Стратификационным последствием такого функционирования экономики является высокое социальное расслоение. При этом концентрация ресурсов приводит не только к материальной поляризации, но и к другим видам диспропорций. Б. Лондон и Д. Смит показывают, что в странах периферии остро встает проблема городского смещения [urban bias], выражающаяся в непропорционально высоком финансировании городской инфраструктуры в сравнении с сельской. Результатом становится экономическая стагнация [London, Smith 1988].

Проблема соотношения положения в мир-экономике и экономического роста достаточно сложна и, вероятно, имеет нелинейное решение [Nolan 1983: 416–417]. Очевидно, что низкая диверсификация экономики выливается в подверженность резким перепадам в экономическом развитии (и тем самым может вызывать незначительные, но все же изменения в социальной структуре). Кроме того, само представление о сегментации и недифференцированности экономики может потребовать пересмотра и замены на более конкретные понятия. Порой формально экономическая структура может быть достаточно дифференцированной (особенно в странах полупериферии) [Джереффи 2004: 39]. Вопрос состоит в том, как отделить структурные особенности, детерминированные положением страны в мир-системе и детерминирующие его, от структурных факторов, не имеющих отношения к позиции в международной иерархии.

Однако здесь это не столь существенно. Важнее эмпирические свидетельства того, что в странах периферии вследствие специфической структуры экономики возникает поляризованная социальная иерархия: небольшая элита отделена барьером от всего остального населения. Возникновение средних классов сопряжено с большими проблемами, поскольку отсутствуют (подавляются) стимулы для развития внутреннего бизнеса. Государство слабо, а потому не может обеспечить большого числа рабочих мест с хорошими материальными условиями. Спрос на квалифицированных «белых воротничков» невелик, поскольку тон задают небольшие локализованные ареалы капитализма, отрасли, мало нуждающиеся в передовых технологиях.

Описанное положение дел в странах ядра и периферии служит основой для общей концепции эксплуатации, которую формулирует Валлерстайн. Он говорит о тенденции к пролетаризации, существующей в современной мир-экономике. Этот процесс, так же как и обуржуазивание, происходит не в интересах капиталистов. Последние состоят в том, чтобы не ввергать полностью рабочих в деятельность по производству прибавочной стоимости. Это обуславливается необходимостью оплачивать труд рабочего, в то время как альтернативная стратегия состоит в том, чтобы переложить основную часть его проблем по самообеспечению на вне рабочее время, снижая тем самым производственные издержки. Эта вторая стратегия является куда более выгодной для капиталиста и приводит к расширению сферы неформальной (главным образом, домашней) экономики [Валлерстайн 2003: 128].

Однако необходимость в постоянном накоплении и в расширении платежеспособного спроса заставляет капиталиста идти на увеличение трудового дня и заработной платы. Таким образом происходит пролетаризация, выражающаяся в росте доли населения, занятой в производстве товаров для глобального рынка и в степени зависимости семей рабочих от зарплаты [wage] [Wallerstein 2001: 164]. Пролетаризация происходит в рамках социальной поляризации мира.

Домашнее хозяйство, где не все члены работают полный день, передает капиталисту не всю произведенную им прибавочную стоимость. Кроме того, пролетарий может получать в обмен на произведенную стоимость не деньги, а товар, комбинацию денег и товаров, а также не получать вообще ничего. Пролетарием в собственном смысле слова является всякий, кто передает всю произведенную им прибавочную стоимость в обмен на деньги [Валлерстайн 2003: 141].

Валлерстайн полагает, что в большей степени эксплуатируемым является не пролетарий, а полупролетарий. В том случае, если у домохозяйства рабочего есть иной источник дохода, кроме его зарплаты (или всех зарплат всех рабочих – членов домохозяйства), его требования к капиталисту по оплате труда снижаются, что позволяет капиталисту уменьшать издержки извлечения прибавочной стоимости: за тот же объем труда выплачивается меньшая зарплата [Wallerstein 1993a: 37]. Таким образом, параллельные тенденции к пролетаризации и обуржуазиванию служат снижению уровня эксплуатации.

Однако это не значит, что эксплуатация в действительности быстро исчезает. Ситуация с социальной структурой стран периферии обстоит достаточно сложно. Очевидно, что по мере занятия капиталистами новых территорий часть населения этих стран пролетаризируется. В то же время актуальность для этих стран проблем безработицы и депрессии во множестве секторов экономики демонстрирует, что пролетаризации подвержено далеко не все их население. Более того, логика пролетаризации должна неминуемо натолкнуться здесь на препятствие в виде местных элит, поскольку именно им выгоден сегментированный характер экономики. Значит, пролетаризация возможна только при условии уничтожения периферийного государства – буфера между капиталистами ядра и новой рабочей силой, становящегося для них барьером.

Однако интересы капиталистов предполагают не пролетаризацию, но эксплуатацию. И именно подход с позиций эксплуатации позволяет объяснить природу социальной стратификации в странах периферии. Характерной для этих стран особенностью является социальная поляризация на фоне нестабильного развития экономики. Согласно миро-системному подходу, такое положение возникает за счет относительной слабости государства в этих странах и системы доминирования стран ядра над ними.

Потребность в осуществлении эксплуатации побуждает капиталистов создавать трехуровневую структуру, повторяющуюся в различных аспектах мир-экономики [Валлерстайн 2001: 83–84]. Выше говорилось о трехслойной системе стратификации в странах ядра. На уровне мир-экономики в целом население полупериферийных и периферийных районов, не подвергшееся пролетаризации, служит ослаблению межклассового конфликта. Тем не менее, логика накопления такова, что пролетаризация неизбежна, и триада будет все в большей степени превращаться в оппозицию, разжигая классовую борьбу. Поэтому следует говорить не о непосредственной эксплуатации пролетариев со стороны капиталистов (здесь на самом деле происходит уменьшение эксплуатации), а о более абстрактной эксплуатации пролетаризирующейся периферии обуржуазивающимся ядром. В терминах анализа внутристрановых структур неравенства различия между этими точками зрения были бы невелики, если говорить только о странах ядра и периферии.

Однако, поскольку дихотомия «ядро – периферия» является слишком грубой, в миро-системном анализе используется понятие полупериферии, промежуточного состояния. Социальная стратификация в таких обществах, занимающих и подчиненную, и подчиняющую позицию, также сочетает в себе стратификации ядра и периферии. Предложить какую-то общую теорию стратификации в странах полупериферии вряд ли представляется возможным, потому что само понятие полупериферии требуется для того, чтобы классифицировать страны, занимающие промежуточное положение в силу различных обстоятельств (т.е. различных сочетаний факторов зависимости). Так, Чейз-Данн выделяет шесть исторических типов возникновения полупериферии, среди которых образование капиталистических городов-государств, распад государств ядра, эволюция трансформирующихся регионов, революционный вызов капиталистическим странам [Chase-Dunn 1997]. Для каждого из этих типов характерна своя история возникновения, однако все они имеют важность для миро-системной теории прежде всего потому, что заключают в себе потенциал перемен: как правило, их возникновение происходит в рамках трансформаций миро-системы. Их внутренняя структура определяется их недавним положением в мир-экономике и направлениями изменений.

Следует подчеркнуть, что подход Валлерстайна предполагает, будто укрепление классового сознания мирового рабочего класса (которое ведет за собой революцию) происходит не вследствие растущей эксплуатации, но вследствие того, что эксплуатация снижается, а уровень пролетаризации и поляризации социальной структуры растет. В этой конструкции полупериферия играет антиреволюционную роль, поддерживая эксплуатацию. Анализ социальной стратификации, который исходил бы из этого, должен был бы опираться на

полупролетаризированное население полупериферийных стран, служащее поддержанию трехуровневой структуры населения мира, на институты неформальной экономики в этих странах. Впрочем, различные траектории развития стран полупериферии предполагают возможность различных вариантов.

Недавнее исследование Ф. Борншира поставило новые проблемы перед миро-системным анализом, продемонстрировав, что проблема расслоения актуальна также и для стран ядра, если принимать во внимание изменения за длительный период (1970–1990) [Bornschiefer 2002; Bergesen, Bata 2002]. Тем не менее, это не меняет общих тенденций, состоящих в увеличении разрыва между странами ядра и периферии и небольшом росте социального неравенства в странах периферии. Это позволяет миро-системным теоретикам делать заключения о том, что вероятность справиться с неравенством у стран ядра гораздо выше, чем у стран периферии. Если виток расслоения связан с технологическими изменениями в структуре капитализма, эти изменения выльются в усиление зависимости внутреннего неравенства от положения в мир-экономике [Bornschiefer 2002: 122].

Неэкономические аспекты стратификации

Рассуждая о теоретическом потенциале миро-системного анализа в отношении проблем социальной стратификации, следует кратко упомянуть еще об одном аспекте. Одной из актуальных проблем марксистского анализа является неспособность вписать возникающие иерархии в модель экономического детерминизма. В современных обществах существует множество важных отношений неравенства, которые не определяются материальным параметром. Миро-системная теория предлагает решение, которое позволяет если не подчинить ряд неэкономических аспектов стратификации экономическому, то, по крайней мере, понять их взаимовлияние.

Выше уже говорилось о предлагаемом в рамках миро-системной перспективы взгляде на отношения территориальной стратификации внутри стран периферии и полупериферии [London, Smith 1988]. Положение страны в мир-экономике детерминирует сегментированную структуру экономики, результатом чего является поляризация между городом и селом. Этот эффект возникает даже тогда, когда иностранные инвестиции направлены в аграрный сектор: в этом случае расслоение развивается из-за разрушения традиционного сельского хозяйства, быстрой урбанизации и обнищания села [Beer 1999: 6]. Большой интерес представляет создание миро-системного объяснения процессов, происходящих в государствах ядра. Такого объяснения пока не разработано вследствие небольшого интереса миро-системной теории к развитым экономикам.

Другими важными измерениями стратификации современного общества являются этничность и раса. Эти феномены проявили свою способность оказывать большое влияние на процессы, происходящие в мире в эпоху глобализации [Stack, Jr. 1981]. Через некоторое время после существенного выравнивания отношений между различными расами и этническими группами проблемы неравенства в этой области вновь заявили о себе в полный голос.

В рамках миро-системного подхода предлагается два решения этой теоретической проблемы. Валлерстайн акцентирует внимание на упоминавшемся стремлении капиталиста извлекать выгоду из структурных преимуществ. По мере того как механизм наследования утрачивает свою силу, возникают новые способы утверждать свое превосходство на основании «прошлого». Тогда вступает в игру расовый и национальный аргумент. Причем если расизм служит для поддержания отношений «ядро – периферия», то национализм в большей степени направлен на мобилизацию населения внутри государства. Таким образом, расизм помогает капитализму локализовать рабочую силу, а значит – использовать ее для извлечения прибавочной стоимости. С точки зрения Валлерстайна, такую же роль играет и

сексизм, позволяющий эксплуатировать женщин. Социальная роль, предписывающая женщине вести домашнее хозяйство, позволяет капиталистам получать более дешевую рабочую силу. Национализм же, как правило, используется при борьбе групп интересов за влияние на государство и привилегии, которые оно может предоставить. Национальный фактор может вступить в игру, если для достижения этого влияния требуется мобилизация населения [Валлерстайн 2001: 94–99].

Валлерстайн отделяет понятие «этническая группа» от понятий «раса» и «нация». Идеология этничности имеет иное значение, нежели национализм. Акцентирование этничности помогает воспроизводить домашние хозяйства, препятствуя опасной для капитализма тенденции к полному исчезновению примордиальных общностей. Если эти общности действительно исчезнут, результатом станет дальнейшее разрушение института семьи, столь важного для капитализма, опирающегося на домашнее хозяйство при извлечении прибавочной стоимости.

Интересно, что сходные доводы приводил Адлер, когда пытался показать, что военная кампания начала века только прикрывает маски национальной борьбы борьбу капиталистов за новые территории. Адлер, впрочем, в большей степени акцентировал намеренную подмену одного явления другим со стороны европейских государств, защищающих интересы капиталистов [Adler 1978: 126]. Аргументация же Валлерстайна является в большей степени функциональной, демонстрируя ту выгоду, которую приносят разновидности этнической доктрины капиталистам, руководствующимся ей во многом бессознательно.

Альтернативу функциональному подходу Валлерстайна представляет собой позиция У. Данэуэй. Она обращает внимание на негативные для миро-системы в целом последствия этнических движений. Хотя, с ее точки зрения, «этнификация» сама по себе не ведет к закату мир-экономики, она может являться проявлением кризиса системы и усугубить его. Среди негативных для миро-системы последствий Данэуэй выделяет кризисы государства, спровоцированные, впрочем, не сепаратизмом, который в чистом виде представляет собой относительно редкое явление, но внутренними антисистемными движениями и противоречиями (такими, как необходимость сочетать сильное государство и демократизация), вызываемыми национализмом и вызывающими его. Кроме того, национализм противится экспансии рынков и ставит население на защиту территории и традиционного уклада, предлагает новые структуры коллективизации, наконец, просто сокращает население за счет кровопролитных конфликтов. Будучи продуктом внутренних противоречий капитализма, этнические конфликты оказываются одновременно его характерной чертой и угрозой для него [Dunaway 2003].

Миро-системный подход оказывается в состоянии предложить объяснения многим аспектам стратификации, которые не сводятся к экономическому неравенству. Хотя здесь было рассмотрено только несколько примеров, основная цель состояла в том, чтобы продемонстрировать теоретический ресурс, который предоставляет для исследования неэкономической стратификации анализ в терминах миро-системы. Как правило, объяснения в этой сфере используют внутренние противоречия капитализма. Это роднит их с классическим марксистским подходом, однако отличие состоит в том, что эти противоречия рассматриваются не только как независимые от воли капиталистов, но и как часто противоречащие их интересам эффекты. К тому же эти эффекты нередко представляются непреодолимыми ни революционным, ни каким-либо еще целенаправленным действием.

Заключение

Марксистская теория не раз доказывала, что с ее помощью можно получать нетривиальные теоретические результаты. В то же время этой теории приходится решать ряд проблем,

незнакомых другим направлениям. Необходимость снова и снова находить противоречия интересов и их структурные отражения, словно сизифов камень, заставляет ломать голову в поисках все новых и новых решений.

Миро-системная теория предлагает новый подход к марксистскому анализу социальной стратификации. Он позволяет учитывать относительно новые для современного мира тенденции, разрабатывая тем самым схемы, точно схватывающие эмпирическую картину. При этом, будучи многим обязанным теориям империализма, миро-системный подход сохраняет основные черты специфически марксистского диалектического видения социальной структуры. Это выражается в новой теории эксплуатации, которая может лечь в основу новых теорий классовой структуры, относящихся как ко всей миро-системе, так и к неравенству в отдельных обществах.

Использование миро-системной парадигмы, впрочем, сопряжено с особыми проблемами. Слишком высокий уровень абстракции, недооценка конъюнктурных факторов является только самой очевидной из них. Тем более что марксистский анализ стратификации, всегда заключающий в себе элемент прогноза, неизбежно будет пренебрегать какими-то значимыми для конкретных обществ обстоятельствами.

Более серьезной трудностью для теорий стратификации представляется типично марксистский элемент утопии, заложенный в парадигму. И. Валлерстайн осознает эту проблему, рассматривая эволюцию утопического марксизма [Wallerstein 2001: 177–178]. Но, опираясь в своем анализе идеологии на К. Мангейма, Валлерстайн не избегает той же ошибки, которую делал Мангейм. Релятивизация научного знания подразумевает релятивизацию всякого знания и, хотя Валлерстайн, вслед за Марксом, признает позитивную общественную роль утопии, для всякой теории утопичность продолжает оставаться нерешенной проблемой. В миро-системном анализе утопичность эта выражается в уверенности в том, что эпоха мирового господства США заканчивается, что капиталистическая мир-экономика вступила в свою конечную стадию (данное предположение Валлерстайн концептуализирует с помощью теории самоорганизующихся систем Пригожина). У этого взгляда есть серьезное подтверждение в том, что экстенсивное развитие мира наткнулось наконец на преграду в виде пределов земного шара. Однако большая часть выводов, которые из этого делаются, не имеет под собой достаточных оснований. В итоге тезис о том, что мир вступает в качественно иную фазу, эпоху перемен, повторяется в работах по миро-системному анализу, словно мантра.

В области теории социальной стратификации этот изъян чреват смещением всех моделей в направлении поиска некоего синтеза, который мог бы снять противоречия капиталистической экономики. Соответственно, часто объяснения неравенства подразумевают эту недоказанную необходимость глобальных изменений. Поэтому объяснения новых структурных явлений, которые способна предложить миро-системная концепция, подменяются этическими рассуждениями о роли, которую должны сыграть в предотвращении глобальной катастрофы антисистемные движения [Chase-Dunn 2005]. Поиск выхода из этого утопического тупика является актуальной для миро-системной парадигмы задачей, хотя нет уверенности в том, что у нее есть решение.

Тем не менее, в области марксистского анализа социальной стратификации миро-системный подход представляет собой относительно новую перспективу. Это означает, что открыты возможности для построения теоретических объяснений, которые учитывают последние тенденции в области как экономического, так и неэкономического неравенства. Можно надеяться, что в условиях усиливающейся взаимозависимости в миро-системе марксистская мысль получит новое развитие в теориях стратификации.

Литература

- Бауэр О. Накопление капитала // Р. Люксембург. Накопление капитала. Л.; М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. С. 339–360.
- Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.
- Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.: Логос, 2004.
- Валлерстайн И., Балибар Э. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос-Альтера, 2003.
- Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Исследование новейшей фазы в развитии капитализма. М., 1959.
- Джерсеффи Г. Международное хозяйство и экономическое развитие // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 5. С. 35–62. См. также: Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 632–658.
- Ленин В. Империализм как высшая стадия капитализма // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 27. М.: Издательство политической литературы, 1977. С. 229–426.
- Люксембург Р. Накопление капитала // Р. Люксембург. Накопление капитала. Л.; М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. С. 3–338, 375–463.
- Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 419–459.
- Радаев В., Шкаратан О. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Райт Э.О. Марксистские концепции классово-структурной структуры // Рубеж. 2000. № 15. С. 35–84. <http://ecsocman.edu.ru/rubezh>
- Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995.
- Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 185–230.
- Adler M. The Ideology of the World War // Austro-Marxism / Ed. by T. Bottomore. Oxford: Clarendon Press, 1978. P. 125–135.
- Beer L. Income Inequality and Transnational Corporate Penetration // Journal of World Systems Research. 1999. Vol. 5. No. 1. P. 1–25.
- Bergesen A., Bata M. Global and National Inequality: Are They Connected? // Journal of World Systems Research. 2002. Vol. 8. No. 1. P. 130–144.
- Bornschiefer V. Changing Income Inequality in the Second Half of the 20th Century: Preliminary Findings and Propositions for Explanations // Journal of World Systems Research. 2002. Vol. 8. No. 1. P. 100–127.
- Braverman H. Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century. N.Y.: Monthly Review Press, 1974.
- Carchedi G. On the Economic Identification of Social Classes. L.: Routledge & Kegan Paul, 1977.
- Cavanagh J., Welch C., Retallack S. The IMF Formula: Generating Poverty // The Ecologist. 2000. Vol. 30. No. 6. P. 23–26.
- Chase-Dunn C. Social Evolution and the Future of World Society // Journal of World Systems Research. 2005. Vol. 11. No. 2. P. 171–192.

- Chase-Dunn C.* The Effects of International Economic Dependence on Development and Inequality: A Cross-National Study // *American Sociological Review*. 1975. Vol. 40. No. 6. P. 720–738.
- Chase-Dunn C.* The Semiperiphery: Seedbed of Change // *Rise and Demise: Comparing World-Systems* / Ed. by C. Chase-Dunn, T. Hall. Boulder, CO: Westview Press, 1997.
- Chase-Dunn C., Grimes P.* World-Systems Analysis // *Annual Review of Sociology*. 1995. Vol. 21. P. 387–417.
- Dunaway W.* Ethnic Conflict in the Modern World-System: The Dialectics of Counter-Hegemonic Resistance in an Age of Transition // *Journal of World Systems Research*. 2003. Vol. 9. No. 1. P. 3–34.
- Gorz A.* Farewell to the Working Class: An Essay on Post-industrial Socialism. L.: Pluto Press, 1982.
- Lash S., Urry J.* The End of Organized Capitalism. Cambridge: Polity Press, 1993.
- London B., Smith D.* Urban Bias, Dependence and Economic Stagnation in Non-core Countries // *American Sociological Review*. 1988. Vol. 53. No. 3. P. 454–463.
- Mills C.W.* White Collar: The American Middle Classes. Oxford: Oxford University Press, 1956.
- Nolan P.* Status in the World System, Income Inequality, and Economic Growth // *American Journal of Sociology*. 1983. Vol. 89. No. 2. P. 410–419.
- Offe C., Ronge V.* Theses on the Theory of State // *Classes, Power and Conflict: Classical and Contemporary Debates* / Ed. by A. Giddens, D. Held. Basingstoke: Macmillan, 1982. P. 249–256.
- Renner K.* The Service Class // *Austro-Marxism* / Ed. by T. Bottomore. Oxford: Clarendon Press, 1978. P. 249–252.
- Rubinson R.* The World-Economy and the Distribution of Incomes within States: A Cross-National Study // *American Sociological Review*. 1976. Vol. 41. No. 4. P. 638–659.
- Stack J., Jr.* Ethnic Groups as Emerging Transnational Actors // *Ethnic Identities in a Transnational World* / Ed. by J. Stack, Jr. Westport, CO; L.: Greenwood Press, 1981.
- Wallerstein I.* Historical Capitalism. L.: Verso, 1993.
- Wallerstein I.* The Capitalist World-Economy: Essays. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Wallerstein I.* Unthinking Social Science: The Limits of Nineteenth-century Paradigms. Philadelphia: Temple University Press, 2001.
- Wright E.O.* A General Framework for the Analysis of Class Structure // *The Debate on Classes* / Ed. by E.O. Wright. L.; N.Y.: Verso, 1989. P. 3–43.
- Wright E.O.* Class, Crisis and the State. L.; N.Y.: Verso, 1993.
- Wright E.O.* Foundations of a Neo-Marxist Class Analysis // *Approaches to Class Analysis* / Ed. by E.O. Wright. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 1–26.
- Wright E.O.* Rethinking, Once Again, the Concept of Class Structure // *The Debate on Classes* / Ed. by E.O. Wright. L.; N.Y.: Verso, 1989. P. 269–348.